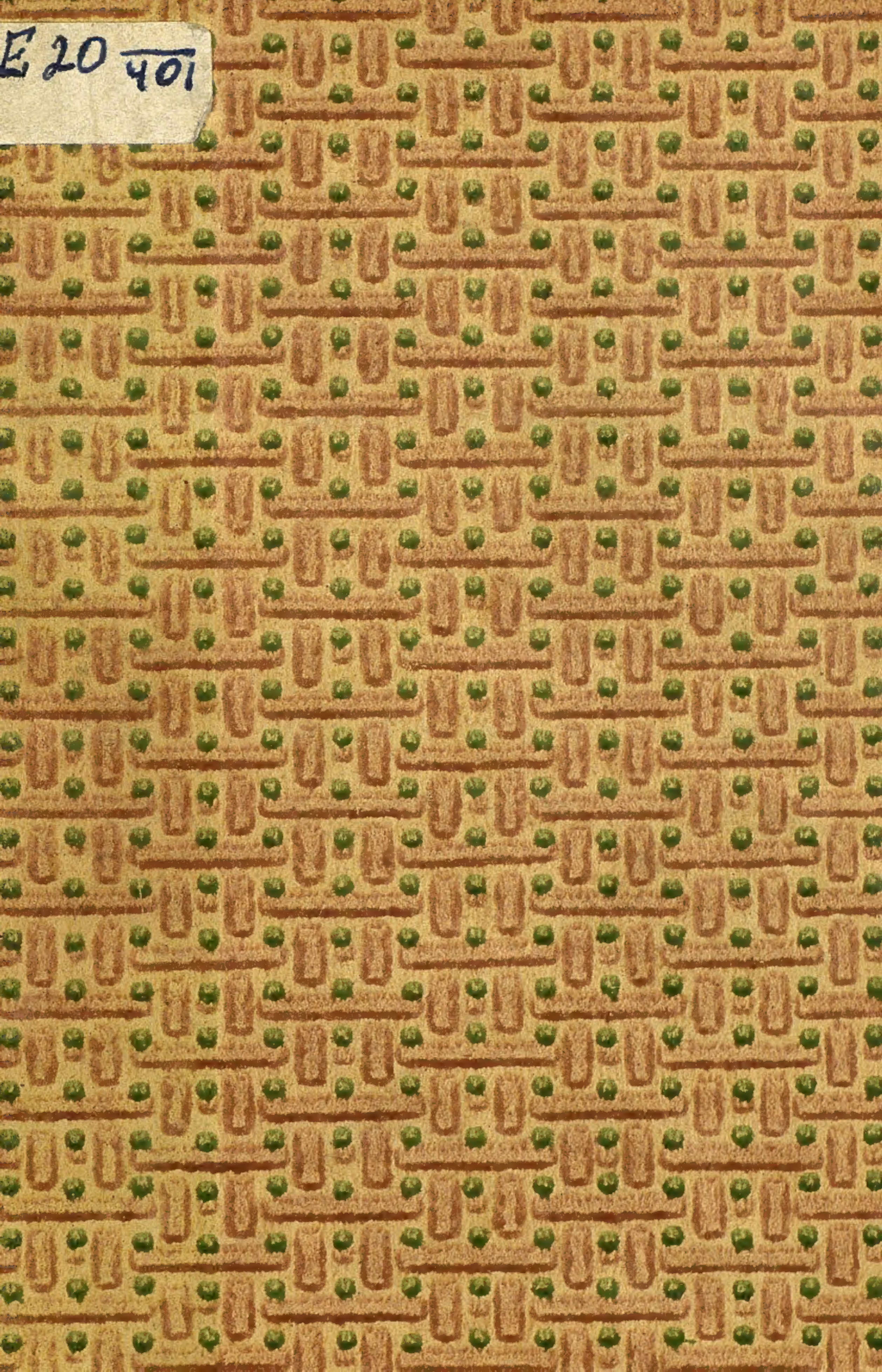

E20 ४०१

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ НАКАЗАНІЯ

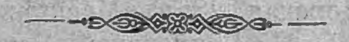
ВЪ

НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Н. Д. Сергѣевскаго

Орд. Проф. С.-Петербургскаго Университета.

Оттискъ изъ Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1893.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ НАКАЗАНІЯ

ВЪ

НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Н. Д. Сергѣевскаго

Орд. Проф. С.-Петербургскаго Университета.

Оттискъ изъ Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1893.

Печатано по распоряженію Предсѣдателя С.-Петербургскаго Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ НАКАЗАНІЯ ВЪ НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ [1].

Никогда еще жизнь не предъявляла юристамъ такой массы практическихъ вопросовъ, требующихъ немедленнаго разрѣшенія, какъ въ наши дни. Жизнь настойчиво требуетъ отвѣта отъ теоретиковъ, но не выжидаетъ его, а по своему рѣшаетъ дѣло, хотя и дорого платитъ за каждую ошибку. А въ тоже время какъ бы самъ собою выдвигается рядъ широкихъ проблемъ, идущихъ несравненно дальше мелкихъ вопросовъ насущной жизни,—проблемъ основныхъ, опредѣляющихъ руководящія начала человѣческаго общежитія. И мыслитель теорикъ не можетъ оторваться отъ нихъ. Онъ ищетъ общей связи между основными положеніями и практическими, часто мелкими формулами. Онъ не можетъ думать о послѣднихъ, какъ бы настойчиво того ни требовала жизнь, внѣ связи съ первыми. Одинъ изъ самыхъ настойчивыхъ для нашего времени практическихъ вопросовъ—есть вопросъ объ устройствѣ карательныхъ учрежденій, объ упорядоченіи уголовныхъ наказаній. Но впереди этого практическаго вопроса, заслоняя его собою въ глазахъ теоретика, выдвигается въ наши дни съ необыкновенной силой широкая проблема: *что есть наказаніе* вообще?—И я не могу не начать съ нея.

---

[1]) Актовая рѣчь въ с.-петербургскомъ университетѣ 7 февраля 1893 года. Напечатана (сокращенно, такъ, какъ была произнесена) въ „Отчетѣ о состояніи и дѣятельности" университета за 1892 годъ.

I.

Насколько достигаетъ свѣтъ исторіи, мы находимъ всегда и вездѣ одно явленіе: государство налагаетъ за преступленіе наказаніе—причиняетъ боль и страданіе преступнику. Всегда и вездѣ одно и то же: за дѣяніе, запрещенное законами, непріятное, нежелательное, нарушающее установленный или освященный государствомъ порядокъ, государство налагаетъ казнь на автора этого дѣянія, на преступника. Это борьба неуклонная, весьма интензивная, на которую много тратится, ради которой много крови проливается, много жизней гибнетъ, много силъ пропадаетъ безъ пользы. И не одинъ преступникъ страдаетъ: страдаетъ неизбѣжно его семья, его близкіе; страдаетъ и терпитъ ущербъ, наконецъ, все общество—„die Strafe ist aber, говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, ein Schwert ohne Griff, das den mitverletzt, der es führt"— наказаніе есть мечъ безъ рукоятки, который рѣжетъ также и того, кто имъ дѣйствуетъ!

Но каковъ же исходъ борьбы; на чьей сторонѣ побѣда? Уничтоженъ ли преступникъ; уничтожено или, по крайней мѣрѣ, уменьшено ли преступленіе?—Нѣтъ! Раздавленный, казалось бы, въ прахъ тяжелымъ колесомъ правосудія, сраженный его могучимъ, когда то кровавымъ мечемъ, преступникъ все возрождается, какъ фениксъ изъ пепла, поднимаетъ свою голову и снова совершаются преступленія, изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Поколѣніе идетъ за поколѣніемъ, мѣняются нравы и обычаи, старые боги забываются, все покрывается травою забвенія, прилетаютъ новыя птицы и поютъ новыя пѣсни, а преступникъ все живъ и борьба все длится. И конца ей не видно и нѣтъ.... Что за безвыходное положеніе! Какой то circulus vitiosus: борьба безъ побѣды, борьба безъ конца. Преступленіе и наказаніе, кажется, связаны между собою цѣпью какого то роковаго формализма.

Таковъ вѣковой историческій фактъ. Давно уже онъ при-

влекъ къ себѣ вниманіе философской мысли. Попытки разрѣшенія великой проблемы образуютъ собою громадное богатство умственной работы цѣлыхъ десятковъ поколѣній; онѣ составляютъ законченный, грандіозный философскій отдѣлъ въ старой литературѣ уголовнаго права, онѣ дали содержаніе новой усиленной работѣ въ наши дни.

Одно направленіе—старѣйшее по времени—мирится съ фактомъ роковаго формализма въ отношеніяхъ преступленія и наказанія, признаетъ его явленіемъ неизбѣжнымъ и, пожалуй, даже нормальнымъ. Это законъ, выше людей стоящій: всякое преступленіе *должно быть* наказано—и только. Весь вопросъ сводится къ объясненію—къ отысканію источника такого закона. Искали этотъ источникъ въ Богѣ, въ природѣ физическаго міра, въ природѣ идей, въ природѣ человѣка физической, въ природѣ человѣка умственной... Ни одна попытка не дала удовлетворенія. А между тѣмъ дальше идти по этому пути некуда, искать источника негдѣ. Движеніе закончено и циклъ такъ называемыхъ абсолютныхъ теорій замкнулся безнадежнымъ кольцомъ: сдѣлалось совершенно ясно, что, не перемѣнивъ матеріала и метода, капли свѣта пролить болѣе нельзя.

Другое направленіе отнеслось къ дѣлу совсѣмъ иначе. Разбить роковую цѣпь, а не мириться съ фактомъ; найти выходъ въ борьбѣ съ преступленіемъ—выходъ, конечно, съ побѣдою на сторонѣ государства—вотъ задача. Побѣда должна заключаться въ уменьшеніи числа преступленій, если не въ полномъ ихъ уничтоженіи; наказаніе есть средство для этой цѣли. Оно налагается ne peccetur, въ противоположность началу quia peccatum est, какъ девизу всего перваго направленія. Какія именно воздѣйствія должно производить наказаніе для достиженія своей цѣли и, сообразно этому, какъ оно должно быть организовано—вотъ вопросъ, который и далъ содержаніе массѣ теорій этого направленія, такъ называемыхъ относительныхъ. Для отвѣта мыслители воспользовались тѣмъ, что дала имъ исторія образованія и развитія наказанія въ жизни народовъ. Правильно или неправильно

поняли они этотъ историческій матеріалъ, но придумывать новаго имъ ничего не пришлось: въ настоящемъ и прошломъ уголовнаго правосудія они нашли готовые отвѣты, а отъ себя прибавили лишь нѣсколько обобщеній и конструкцій формальнаго характера.

Положительное право, организуя наказаніе въ его конкретномъ содержаніи, всегда влагало въ него извѣстныя, весьма разнообразныя спеціальныя цѣли, другими словами — направляло содержаніе карательныхъ мѣръ къ различнымъ полезностямъ, смѣняя ихъ въ историческомъ развитіи одну другою и комбинируя ихъ такъ или иначе. Исторія наказанія выработала слѣдующія спеціальныя цѣли: прежде всего, удовлетвореніе пострадавшаго въ видахъ его умиротворенія, дабы онъ самъ не мстилъ, самъ не дрался и не вносилъ тѣмъ новаго нарушенія порядка; затѣмъ, истребленіе преступниковъ—лихихъ людей, обезсиленіе ихъ посредствомъ лишенія возможности вредить, удаленіе изъ общества, устрашеніе, извлеченіе матеріальныхъ выгодъ для государственной казны, утилизированіе рабочей силы, въ личности преступника заключающейся, и наконецъ, въ XVIII вѣкѣ—облагороженное и смягченное устрашеніе подъ именемъ исправленія [1]). Почти всѣ эти цѣли и взяты были теоретиками для построенія ученій. Явилась теорія обезпеченія (общества отъ преступниковъ) съ массою подраздѣленій, теорія предупрежденія, двѣ теоріи устрашенія, теорія исправленія и т. д. Различаясь между собою въ опредѣленіи цѣли наказанія—момента, заимствованнаго изъ исторической жизни народовъ, всѣ эти теоріи весьма сходны между собою въ основаніяхъ своихъ конструкцій: каждая изъ нихъ беретъ какую нибудь одну изъ возможныхъ цѣлей наказанія, которымъ это послѣднее служило въ исторіи, и превращаетъ ее въ общую за

---

[1]) Подробнѣе по вопросу объ исторической измѣнчивости наказанія и его спеціальныхъ цѣлей, смотри *Сергѣевскій*, Русское уголовное право, 1890 г. стр. 101 слѣд. Въ частности—въ исторіи русскаго права—*Сергѣевскій*, Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, стр. 1—45.

дачу и правовое основаніе всего уголовнаго правосудія въ цѣломъ—превращаетъ совершенно бездоказательно и произвольно. Затѣмъ, совершивъ такую перестановку понятій, провозглашаетъ свою конструкцію единственно правильною, единственно истинною для всѣхъ временъ и народовъ. Являясь съ этой точки зрѣнія вполнѣ идеалистическими, теоріи этого направленія признаютъ всю многовѣковую исторію человѣчества какъ бы одною сплошною ошибкой и требуютъ ломки существующаго строя карательныхъ системъ во имя одной какой либо, каждымъ мыслителемъ по своимъ вкусамъ избранной, цѣли наказанія. Теоріи перваго направленія—абсолютныя—не шли такъ далеко: онѣ ограничивались *объясненіемъ* существующаго и лишь одна изъ нихъ—теорія матеріальнаго тальона—заявляла нѣкоторую претензію на построеніе новыхъ институтовъ, претензію, однако, такую, которая разсыпалась при первыхъ соображеніяхъ о ея послѣдовательномъ практическомъ примѣненіи [1]).

На почвѣ относительныхъ теорій матеріалъ тоже скоро оказался исчерпаннымъ: всѣ возможныя цѣли наказанія были предложены, каждая выдвигалась по очереди, въ качествѣ исчерпывающей и единственно-истинной, и ни одна теорія не устояла. Теорія исправленія, какъ соотвѣтствующая гуманному настроенію XIX вѣка, привлекла къ себѣ наибольшее число послѣдователей; но и противъ нея раздавались возраженія, столь же вѣскія, какъ и относительно прочихъ. Дальше идти по этому направленію оказалось некуда. Великая проблема наказанія осталась не только не разрѣшенною, но даже очень мало выясненной. Масса теорій, одна другую отрицающихъ, но очень мало положительнаго матеріала. Въ литературѣ наступаетъ не только затишье, но даже какъ бы упадокъ духа. Высказываются такіе взгляды, которые можно назвать лишь теоріей отчаянія. Одинъ писатель говоритъ, что вопросъ объ основаніяхъ карательной

---

[1]) Какъ ближайшее изложеніе этихъ теорій, такъ и критику ихъ въ отдѣльности, равно и указанія литературы, можно найти въ любомъ учебникѣ. Сверхъ того, лучшую критику даютъ сами авторы теорій, побивая основательно другъ друга и взаимно разрушая въ корнѣ всѣ предлагаемыя конструкціи.

дѣятельности государства не подлежитъ вовсе разрѣшенію и есть вопросъ праздный (Кистяковскій); другой—совѣтуетъ воздерживаться отъ самыхъ попытокъ разрѣшенія столь широкой проблеммы (Laistner) и т. д. Прочіе переворачиваютъ изъ стороны въ сторону старыя теоріи, повторяютъ своими словами и отъ своего лица то, что было сказано другими, или пытаются сшивать изъ кусочковъ разныхъ теорій какія-то безцвѣтныя ризы, получившія въ литературѣ названіе смѣшанныхъ или соединительныхъ теорій... Не имѣя никакого положительнаго значенія въ наукѣ, писатели этой послѣдней группы—если не всѣ, то многіе—могли бы по всей справедливости получить въ свой девизъ слова: pereant qui ante nos nostra dixerunt.

Такое унылое настроеніе не могло, однако, продолжаться долго. Съ одной стороны, оно разрѣшилось попыткой немногихъ вновь пересмотрѣть вопросъ и, перемѣнивъ отчасти матеріалъ и отправныя точки изслѣдованія сравнительно съ прежними теоріями, сдѣлать послѣдовательный шагъ впередъ на почвѣ результатовъ, добытыхъ наукой. Съ другой—оно оказалось затишьемъ передъ бурей. Разыгралась буря, далеко замела прежніе пути и захватила многихъ. Буря идетъ въ наши дни.

II.

Что касается до первой попытки, то я о ней много говорить не буду: все, что мною лично сдѣлано въ наукѣ уголовнаго права для вопроса о наказаніи—худо или хорошо это другой вопросъ, въ которомъ я не судья,—сводится исключительно къ этой попыткѣ. Коротко резюмирую конечный выводъ: задачи наказанія не могутъ исчерпываться какой либо одною спеціальною цѣлью; спеціальныя цѣли наказанія смѣняются въ исторіи и *должны* смѣняться въ тѣхъ или другихъ комбинаціяхъ, сообразно условіямъ государственнаго быта и этическихъ настроеній, сообразно конкретнымъ потребностямъ даннаго государства и наличнымъ силамъ и средствамъ его. Нѣтъ цѣлей одинаково пригодныхъ для всѣхъ временъ и народовъ; всякая изъ спеціальныхъ цѣлей наказанія хо-

роша въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Но за то, надъ всѣми этими смѣняющимися цѣлями наказанія стоитъ одна общая задача: поддержаніе авторитета велѣній законодателя, достигаемое путемъ неуклоннаго осужденія и порицанія дѣяній, его нарушающихъ. Эта общая задача не зависитъ отъ достиженія или недостиженія спеціальныхъ цѣлей наказанія. Съ точки зрѣнія отдѣльныхъ лицъ, она сводится къ созданію чувства уваженія къ закону, чувства легальности; съ точки зрѣнія всего общества—къ дисциплинѣ передъ закономъ, силѣ дѣйствующей, пожалуй, и несознательно, аналогично съ силой привычки. Эта общая задача уголовнаго правосудія дѣлаетъ его безусловно необходимымъ элементомъ всякаго правопорядка и даетъ ему тѣмъ самымъ полное юридическое обоснованіе. Ни прибѣгать къ абсолютнымъ, выше людей стоящимъ идеямъ, ни связывать наказаніе съ достиженіемъ какой нибудь условной полезности—нѣтъ ни повода, ни надобности [1]).

---

[1]) См. подробное изложеніе: *Сергѣевскій*, О правѣ наказанія, Юрид. Вѣстн. 1881, т. VI. Также: Русское уголовное право, стр. 72—76, 96—112; Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в., стр. I—XII. Заслуживаютъ вниманія, хотя касаются одной только стороны ученія, возраженія Gretener'а въ Zeitschrift f. d. gesammte Strafrechtswissenschaft, B. IV (1884), стр. 298 и сл.—Первые шаги по правильному пути, хотя шаги колеблющіеся и недостаточно опредѣленные, сдѣлали Bar, Grundlagen des Strafrechts, 1869, и Binding, das Problem der Strafe, 1877, и Grundriss zu Vorlesungen, 1884.—Вполнѣ присоединяется къ нашей программѣ *Тальбергъ*, Къ вопросу о наказаніи, Журн. гражд. и угол. права, 1884, V. Такъ же *Филипповъ*, О наказаніи по законодательству Петра Великаго, 1891.—*Таганцевъ*, Лекціи по русскому уголовному праву, III (1890), тоже признаетъ всѣ основныя положенія: логическую необходимость карательной дѣятельности въ качествѣ правоохранительной въ государствѣ (стр. 1127); моментъ осужденія и порицанія (стр. 1191); измѣнчивость наказанія по содержанію и его спеціальныхъ цѣлей (стр. 1196). Однако, установить отчетливо и внѣ сомнѣній ближайшее содержаніе конструкціи Н. С. Таганцева, а равно и ближайшее отношеніе ея къ другимъ существующимъ въ наукѣ ученіямъ, представляется затруднительнымъ, такъ какъ конструкція эта нигдѣ не сведена авторомъ къ краткому дефинитивному резюме, а наоборотъ, изложеніе ея осложнено большимъ количествомъ вводныхъ соображеній, ограничительныхъ и дополнительныхъ поясненій, и сверхъ того—множество мыслей и положеній, относящихся тоже къ вопросу о существѣ наказаній и опредѣляющихъ взглядъ автора, разсѣяны по всей книгѣ, въ текстѣ и примѣчаніяхъ, по поводу другихъ ученій и по частнымъ вопросамъ. Въ частности представляется не вполнѣ понятнымъ указаніе на

Практическое основаніе наказанія лежитъ въ фактѣ совершенія преступленія—наказаніе налагается quia peccatum est; практическій его результатъ, общій и независящій отъ спеціальныхъ цѣлей, есть то, что создается духовная сила, противодѣйствующая нарушеніямъ закона и тѣмъ сдерживающая по возможности возрастаніе преступленій—по возможности, то есть настолько, насколько это связано съ большимъ или меньшимъ уваженіемъ гражданъ къ закону, съ большей или меньшей дисциплиной передъ закономъ. Мы могли бы, пожалуй, выразить стремленіе къ этому результату тоже старой формулой—ne peccetur; но это было бы не вполнѣ точнымъ употребленіемъ руководящаго термина относительныхъ теорій.

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о наказаніи заключается два отдѣльныхъ вопроса: принципіальный вопросъ—о существѣ всего уголовнаго правосудія въ цѣломъ и практическій—объ организаціи карательныхъ мѣръ и ихъ спеціальныхъ цѣлей. Я считаю эту точку зрѣнія единственно правильной и соотвѣтствующую ей програму единственно плодотворной. Разрѣшеніе вопроса объ организаціи наказанія поставляется здѣсь не на почву построенія какой бы то ни было идеалистической системы, а на почву изученія положительныхъ факторовъ исторіи человѣчества. А именно: задачей теоріи уголовнаго права является прежде всего разрѣшеніе вопроса о томъ, при какихъ условіяхъ государственной жизни, при наличности какихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ въ государствѣ и народѣ, какія и какъ могутъ быть организованы наказанія: подъ вліяніемъ какихъ факторовъ находится государственная

то, что сдѣланная мною, въ вышеупомянутой статьѣ „О правѣ наказанія", конструкція ученія о существѣ наказанія *всецѣло принимаетъ* положенія Биндинга (стр. 1122), а о содержаніи карательныхъ мѣръ *примыкаетъ* къ теоріямъ Лейстнера и Биндинга (стр. 1152).—Въ отдѣльности начало измѣнчивости наказанія, его цѣлей и содержанія принимается *Кистяковскимъ*, Schütze, въ особенности Merkel, Ueber den Zusammenhang zwischen der Entwicklung des Strafrechts und der Gesammtentwicklung der Völker, 1889. Начало осужденія и порицанія, какъ силы, утверждающей авторитетъ закона—Tarde, La philosophie pénale, Lammasch, Zwecke und Mittel der Strafe, Zeitschr. f. d. gesammte Strafrechtswissenschaft, B. IX (1889), и Merkel, в. с. стр. 9.

власть въ этой сферѣ; съ чѣмъ она должна считаться, чему уступать и съ чѣмъ вступать въ компромиссы.

Немногіе пошли по этой дорогѣ; громадное большинство увлечено бурею.

III.

Предвѣстниками бури послужили выводы, сдѣланные нѣкоторыми криминалистами изъ статистическихъ наблюденій надъ зависимостью преступленій отъ соціально-экономическихъ условій народной жизни. Что эта зависимость существуетъ— фактъ несомнѣнный и нынѣ настолько общеизвѣстный, что не предстоитъ даже никакой надобности приводить доказательства, ссылаться на изслѣдованія или на имена изслѣдователей. Но выводъ криминалистами былъ сдѣланъ совершенно произвольный: положеніе о зависимости преступленій отъ условій соціальнаго и экономическаго строя превращено было ими въ положеніе объ *исключительной* зависимости, и соціально-экономическій строй оказался, такимъ образомъ, единственнымъ источникомъ преступленій. Затѣмъ, способность порождать преступленія принята была за единственный критерій оцѣнки институтовъ общественнаго строя, другими словами—поставлено правило: тотъ институтъ, который порождаетъ преступленія, есть институтъ негодный, вредный для народной жизни.

Отсюда выводъ: борьба съ преступленіемъ должна заключаться въ устраненіи тѣхъ институтовъ государственнаго, соціальнаго и экономическаго строя, которые порождаютъ преступленія; это устраненіе должно оказаться въ то же время и усовершенствованіемъ. Когда это усовершенствованіе дойдетъ до конца, до идеала, тогда исчезнутъ преступленія. Наступитъ побѣда, полная и безповоротная. Такимъ образомъ, то, о чемъ раньше говорили нѣкоторые философы-мечтатели, превратилось въ научную или quasi научную программу. А уголовное правосудіе—его роль какая же? Одни совершенно послѣдовательно говорили, что уголовное правосудіе и его карательныя мѣры подлежатъ упраздненію, въ качествѣ безплодныхъ и безсмысленныхъ учрежденій. Другіе, непослѣдо-

вательно, но за то болѣе осторожно, говорили, что уголовное правосудіе должно быть сохранено до поры до времени, до тѣхъ поръ, пока соціальныя реформы сдѣлаютъ свое дѣло.

Едва ли нужно останавливаться на ближайшемъ разборѣ этого ученія, хотя оно и произвело достаточный шумъ въ свое время [1]). Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ статистиковъ никогда не доказывалъ, чтобы соціально-экономическія условія были *единственнымъ* факторомъ преступленія, чтобы зависимость здѣсь была исключительная. Утвержденіе, что способность порождать преступленія есть единственный рѣшающій критерій для оцѣнки государственныхъ и общественныхъ учрежденій въ указанномъ смыслѣ—это утвержденіе есть не только произвольное и неправильное, но и дѣтскинаивное: какъ будто бы возможно придумать такой порядокъ жизни, создать такія учрежденія, которыя не могли бы послужить источникомъ и почвою для совершенія преступленій.... Съ другой стороны, положеніе о томъ, что соціально-экономическія условія вліяютъ на преступность, не исключительно, а въ числѣ другихъ факторовъ,—это положеніе никогда не было чуждо положительному праву: нѣтъ никакой возможности сказать, чтобы уголовное правосудіе исторически слагалось подъ вліяніемъ обратнаго представленія, именно, что соціально-экономическія условія *не* вліяютъ на преступность. Такое представленіе является не только чуждымъ положительному праву, но и изъ писателей его никто не высказывалъ. Его можно лишь образовать въ качествѣ вывода изъ крайней индетерминистической теоріи вмѣняемости; но и это будетъ несовсѣмъ правильно, такъ какъ и представители теоріи свободной воли практически подъ свободою воли разумѣли лишь свободу дѣятельности отъ давленія внѣшнихъ превосходящихъ силъ, т. е. отсутствіе внѣш-

---

[1]) См. *Сергѣевскій*, Преступленіе и наказаніе какъ предметъ юридической науки, Юридич. Вѣстн. 1879 г. № 12. Русское уголовное право, 1890 г., стр. 92 и слѣд.

няго принужденія; всѣ же тѣ стимулы дѣятельности или факторы, которые слагаются и развиваются внутри человѣка, психически и умственно здороваго, они вовсе не считали противными свободной волѣ и вмѣняемости [1]).

Настоящая буря не заставила себя ждать. Грозовая туча надвинулась отъ Италіи. Затуманившуюся атмосферу старой криминалистической доктрины въ началѣ семидесятыхъ годовъ разомъ прорѣзала яркая молнія: ученіе Ломброзо о Uomo delinquente, о человѣкѣ-преступникѣ, человѣкѣ-дикарѣ, человѣкѣ-звѣрѣ. Не будучи ни юристомъ, ни соціологомъ, врачъ по спеціальности, онъ съ парадоксальною послѣдовательностью, безъ всякихъ колебаній самокритики, развилъ свою, нынѣ всѣмъ болѣе или менѣе извѣстную, теорію о преступномъ типѣ, о наслѣдственности и атавистическомъ происхожденіи преступленія [2]). Прежде даже, чѣмъ его сочиненіе было окончено первымъ изданіемъ, онъ уже пріобрѣлъ множество послѣдователей въ Италіи, послѣдователей страстныхъ, фанатическихъ, которые слѣпо повторяли слова своего учителя. Успѣхъ былъ громадный и въ высшей степени эффектный. Поразительная широта взглядовъ, богатая обстановка, составленная изъ матеріала, принадлежащаго разнообразнѣйшимъ отраслямъ человѣческаго знанія, притомъ

---

[1]) Строго говоря, индетерминистическая теорія вмѣняемости заключаетъ въ себѣ неправильность лишь по предмету философскаго построенія ея основаній. Но на почвѣ разрѣшенія практическихъ вопросовъ писатели этого направленія приходятъ къ тѣмъ же выводамъ, какъ и детерминисты. См. по этому поводу, напр. Mittelstädt, Schuld und Strafe, Gerichtss. XLVI, 5—6, стр. 406. „Надо предоставить, говоритъ онъ, каждому криминалисту въ этомъ вопросѣ спасаться по своему—nach seiner Façon selig werden lassen“ (стр. 393).

[2]) Въ русской литературѣ изложенію и критикѣ ученія Ломброзо и его ближайшихъ послѣдователей посвящено нѣсколько трудовъ. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ: *Н. С.* (Сергѣевскій) Антропологическое направленіе въ изслѣдованіяхъ о преступленіи и наказаніи. Юридич. Вѣстникъ, 1882 г., 2; *Вульфертъ*, Антропологого-позитивная школа уголовнаго права въ Италіи, 1887 г.; *Спасовичъ*, Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права, Вѣстникъ Европы, 1891 г., октябрь; *Закревскій*, Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы, Журн. гражд. и угол. права 1891, 1893 гг.—Наиболѣе выдающимся, какъ крупная работа высокаго научнаго достоинства, представляется сочиненіе Вульферта.

отраслямъ наиболѣе мощнымъ и новымъ; цифры, таблицы, картограммы, діаграммы, фотографіи, коллекціи череповъ, краніометрическіе инструменты, человѣческіе мозги, необычный языкъ и новые термины, конгрессы и конференціи..... все соединилось для того, чтобы поразить не только умъ, но и воображеніе—можетъ быть даже не столько умъ, сколько воображеніе—и заставить преклониться предъ высшей и отчасти таинственной мудростью, которая шла для обновленія человѣческаго общества и излѣченія его многовѣковыхъ недуговъ [1].

Для наказанія ученіе Ломброзо давало очень простой выводъ: истребленіе или обезсиленіе вредныхъ особей человѣческой породы, этихъ людей нисшей расы, прирожденныхъ преступниковъ—вотъ задача наказанія. Тутъ нѣтъ даже борьбы, а есть простое уничтоженіе.

Вслѣдъ за этимъ громовымъ ударомъ съ поразительною быстротой нахлынулъ потокъ новыхъ ученій и новыхъ словъ. Плотина была прорвана, и въ какіе нибудь пятнадцать лѣтъ область науки уголовнаго права оказалась рѣшительно залитою новыми и quasi новыми конструкціями. Антропологія, соціологія, эволюціонизмъ, соціологическая, психологическая и физіологическая точка зрѣнія на преступленіе и преступника; теорія Дарвина, ученіе Спенсера; теорія вырожденія нормальнаго типа и теорія переживанія первообразнаго типа и т. д. и т. д.—все это перемѣшалось въ интереснѣйшихъ и иногда, въ лучшемъ смыслѣ слова, остроумнѣйшихъ комбинаціяхъ. Какъ ближайшіе послѣдователи Ломброзо (Гарофало, Ферри и др.), такъ и его критики,—наконецъ, множество другихъ ученыхъ, работая самостоятельно и присоединяя къ наблюденіямъ біологическимъ и экспериментальной

---

[1]) См. характеристику Georges Vidal въ его Etat actuel de l'antropologie criminelle, Paris, 1892. Лучшею критикой ученій Ломброзо и его послѣдователей считается въ западной литературѣ Lucchini, Semplicisti (antropologi, psicologi e sociologi) del diritto penale. Saggio critico. 1886. Французскій переводъ носитъ совершенно другое заглавіе: „Le droit pénal et les nouvelles théories par L. Lucchini“, traduit par H. Prudhomme, 1892.

психологіи—на почвѣ которыхъ исключительно работалъ Ломброзо—данныя статистики и исторіи, выдвинули еще новыя и новыя ученія. Самъ Ломброзо видоизмѣнялъ, модифицировалъ свои положенія, отказывался отъ нихъ и снова выдвигалъ..... Первоначальное названіе „антропологическая школа“, которымъ наименовано было ученіе Ломброзо, замѣнилось, вмѣстѣ съ измѣненіемъ программы, новымъ названіемъ „позитивная школа“; вслѣдъ за этимъ явилась вторая позитивная школа. Группа криминалистовъ—во главѣ ея Листъ и Принсъ—выдвинула, такъ называемое криминально-соціологическое построеніе уголовнаго права, согласно которому наказаніе должно служить реальнымъ средствомъ защиты человѣческаго общежитія отъ преступниковъ, какъ враговъ и повредителей соціальныхъ интересовъ,—средствомъ, которое организуется и практикуется человѣческимъ общежитіемъ въ порядкѣ и въ *мѣрѣ* необходимой обороны. Отсюда—цѣлая, новая программа для науки уголовнаго права [1]). Наконецъ, въ послѣдніе дни общее вниманіе привлекли къ себѣ гипотезы Тарда [2]).

Первыя откровенія, если можно такъ выразиться, Ломброзо остались далеко назади; Ломброзо очень скоро оказался—по остроумному выраженію Закревскаго—въ положеніи того генерала, который знаменитъ главнымъ образомъ побѣдами, надъ нимъ одержанными. Но связь съ первоначальнымъ толчкомъ не потеряна. Кромѣ ученія о прирожденномъ преступникѣ, сложились ученія: о преступникѣ какъ выродившемся типѣ; о преступникѣ какъ нормальномъ, первообразномъ типѣ человѣка; о типѣ преступника профессіональнаго; о преступникѣ исправимомъ и неисправимомъ; о

---

[1]) Очень хорошее изложеніе этого ученія—*Сліозбергъ*, Новое соціологическое направленіе въ уголовномъ правѣ, Журн. гражд. и угол. права, 1888 г. кн. IV. Также *Фойницкій*, Ученіе о наказаніи.

[2]) Изложеніе ученій Тарда см. *Спасовичъ*, Вѣстникъ Европы 1891 г., октябрь. Новѣйшее сочиненіе Tarde'a, не вошедшее въ обзоръ Спасовича, съ интересными гипотезами объ историческомъ происхожденіи уголовнаго правосудія,—Les transformations du droit, 1893.

преступникѣ обнаружившемся и преступникѣ скрытомъ или о преступности проявившейся и потенціальной; о преступленіяхъ естественныхъ и условныхъ; о различіи факторовъ преступности—космическихъ, соціальныхъ, личныхъ; о дѣленіи преступниковъ на классы сообразно различію факторовъ; о различіи преступности городской и сельской; о подражательности какъ самостоятельномъ факторѣ преступленія. Опять разгорѣлся споръ о свободной волѣ.... Всего не перечесть—это буря въ полномъ значеніи этого слова. Не осталось въ общихъ ученіяхъ уголовнаго права ни одного уголка, который не былъ бы потревоженъ, котораго не коснулись бы за послѣднія пятнадцать лѣтъ тѣ или другіе выводы или комбинаціи, построенныя на данныхъ біологіи, психо-физическихъ наблюденій, статистики и т. д. Даже основной, всѣмъ намъ, отсталымъ юристамъ, столь цѣнный принципъ, nullum crimen, nulla poena sine lege, подвергся сомнѣніямъ—его называютъ не болѣе какъ старой телѣгой, въ которой выѣзжала въ свѣтъ давно отжившая свой вѣкъ фейербаховская теорія психическаго принужденія. И каждое изъ этихъ ученій, непосредственно или косвенно, отражалось на наказаніи: вмѣсто наказанія по мѣрѣ вины съ точки зрѣнія содѣяннаго преступленія, предлагается наказаніе по мѣрѣ необходимости, съ точки зрѣнія дѣйствительнаго достиженія спеціальной цѣли наказанія; по вопросу объ устройствѣ наказаній, выдвинуты проекты разнообразнѣйшихъ карательныхъ, воспитательныхъ, исправительныхъ, лѣчительныхъ заведеній; проектированы мельчайшія подробности ихъ устройства и режима.... И медикъ, и юристъ, и физіологъ, и психіатръ, и экономистъ—всѣ приняли участіе; всѣ заговорили, нерѣдко объ одномъ и томъ же, но на разныхъ языкахъ. Каждый считалъ себя вправѣ требовать реформы уголовнаго правосудія ab imis fundamentis, по новой, имъ построенной или имъ излюбленной, программѣ....

IV.

Резюмировать, изложить въ обобщенномъ видѣ всю эту массу разнообразнѣйшихъ ученій, опредѣлить ихъ взаимное

отношеніе и руководящія точки зрѣнія, отдѣливъ при этомъ новыя мысли отъ *новыхъ словъ*,— задача въ высшей степени трудная и едва ли въ настоящее время выполнимая, такъ какъ притокъ новыхъ ученій и ихъ модификаціи еще не закончены; литературный матеріалъ все увеличивается и разнообразится. Всѣ попытки такого обобщенія, какъ въ учебникахъ, такъ и въ монографіяхъ и журнальныхъ статьяхъ, представляя собою нерѣдко весьма цѣнныя и серьезныя работы, являются, однако, или неполными, или односторонними. Скажу болѣе: среди такихъ общихъ обзоровъ научнаго движенія послѣднихъ лѣтъ, встрѣчаются очерки, принадлежащіе звѣздамъ первой величины въ наукѣ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ безсодержательные и способные лишь привести въ заблужденіе и недоумѣніе читателя. Встрѣчаются и такіе, которые изображаютъ все это движеніе въ видѣ какого-то безсмысленнаго, пестраго калейдоскопа эффектныхъ фразъ и шаткихъ гипотезъ, не имѣющихъ будто бы никакого значенія, а достойныхъ лишь насмѣшки [1]).

Это послѣднее отношеніе неправильно, но оно понятно: положеніе дѣлъ таково, что даже основные, общіе методологическіе вопросы представляются въ величайшемъ туманѣ;

---

[1]) Образцомъ можетъ служить очеркъ Mittelstädt'а, въ его статьѣ „Schuld und Strafe", Gesichtssaal, 1892 (XLVI), 5 и 6. Весь матеріалъ новѣйшихъ направленій Mittelstadt называетъ не болѣе, какъ скороспѣлой комбинаціей торопливо-наблюдаемыхъ фактовъ—„eilfertigen Combinationen eilfertig beobachteter Thatsachen" (стр. 398). „Я не отрицаю, говоритъ онъ, что антропологія есть наука. Но уголовная антропологія, по крайней мѣрѣ въ наши дни, есть вовсе не наука. То, что этой дисциплиной собрано въ сферѣ дѣйствительныхъ или лишь воображаемыхъ фактовъ, можетъ представить интересъ для какой угодно изъ вновь образовавшихся вѣтвей естествознанія; но для науки уголовнаго права весь этотъ Mischmasch не имѣетъ никакой цѣны" (стр. 407, 408). Понятіе uomo delinquente, прирожденнаго преступника, есть простая безсмыслица (стр. 409)— Не лучше выражается *Закревскій*: „мельница все мелетъ—говоритъ онъ— а муки не видать" (Журн. гражд. и угол. права 1893, I, стр. 76). Не ограничивается серьезной критикой даже Lucchini (см. выше, стр. 12); самое заглавіе его книги о новыхъ направленіяхъ заключаетъ въ себѣ ѣдкую насмѣшку: „Semplicisti del diritto penale"—буквально „упростители" въ наукѣ уголовнаго права—т. е. люди, которымъ все кажется очень просто и которые поэтому готовы рѣшать „попросту" и „запросто" самые важные и сложные вопросы.

трудно выяснить взаимное отношеніе новыхъ писателей между собою и къ давно уже высказанному и признанному въ наукѣ, такъ какъ послѣдовательности въ развитіи новыхъ конструкцій не усматривается. Одновременно появляется въ свѣтъ нѣсколько работъ, на первый взглядъ согласныхъ между собою въ отправныхъ точкахъ зрѣнія и основаніяхъ, но въ сущности вовсе несогласныхъ. Каждый конгрессъ—а ихъ такъ много собирается въ наше время — каждая полемика открываетъ новыя точки зрѣнія и новыя направленія. Даже представленіе объ отношеніи старой, до-ломброзовской, лилитературы къ новѣйшей, сводится къ ряду недоразумѣній: говорятъ, что совокупность новѣйшихъ антропологическихъ и соціологическихъ построеній образуетъ собою—какъ утверждаютъ представители—новую *школу* или даже школы, такъ называемую позитивную, въ противоположность старой, классической. Позволяю себѣ высказать, что это утвержденіе, къ сожалѣнію не встрѣтившее себѣ надлежащаго отпора, имѣетъ одинъ источникъ: первые антропологи, съ Ломброзо во главѣ, были сами очень мало знакомы съ уголовнымъ правомъ, какъ юридической наукой, а дальнѣйшіе—считаютъ нерѣдко за новое то, что вовсе не ново и что не можетъ быть противополагаемо методамъ современной науки уголовнаго права съ тѣхъ поръ, какъ она, подъ вліяніемъ воззрѣній исторической школы, отрѣшилась отъ метафизическихъ пріемовъ и конструкцій [1]). Ошибка въ томъ и заключается, что писа-

[1]) Любопытно замѣтить, что представители новѣйшихъ направленій сплошь и рядомъ зачисляютъ въ свой лагерь такихъ писателей, которые не имѣютъ съ ними ничего общаго, и единственно потому, что находятъ у этихъ писателей какое нибудь положеніе, съ которымъ и они согласны,— хотя бы положеніе это принадлежало къ числу такихъ, которыя съ прошлаго столѣтія въ учебникахъ повторяются. На этомъ основаніи меня самого, напримѣръ, неоднократно зачисляли въ категорію послѣдователей антропологической и такъ называемой позитивной школы. Укажу на статью Garofalo въ Archivio di Psichiatria scienze penali, 1884 V. Возражая послѣднему автору по поводу безцеремоннаго увеличенія имъ числа своихъ послѣдователей, Frassati, въ статьѣ „Die neue positive Schule des Strafrechts in Russland“, Zeifschrift f.d. gesammte Strafrechtswissenschaft, X (1890), 5 и 6, приходитъ все-таки къ выводу, что „unleugbar haben die italienischen Doktrinen

тели новѣйшихъ направленій, съ одной стороны, трактуютъ современное уголовное право такъ, какъ можно было трактовать лишь нѣмецкую доктрину начала текущаго столѣтія, а съ другой—забываютъ, что образованіе отдѣльныхъ наукъ, какъ расчлененныхъ вѣтвей человѣческаго знанія, совершается не произвольно, а опредѣляется предметомъ, цѣлью и методомъ каждой вѣтви [1]).

V.

Не задаваясь цѣлью общей оцѣнки новыхъ направленій, останавливаюсь на моментѣ наказанія,—на четырехъ основ ныхъ положеніяхъ.

Общая черта всего новѣйшаго направленія или направленій въ вопросѣ о наказаніи — это, употребляя выраженіе Спасовича,—дать отставку Беккаріи и всему обоснованному имъ въ наукѣ, гуманному, снисходительному отношенію къ преступнику. Въ организаціи и примѣненіи карательныхъ мѣръ, говорятъ новаторы, нѣтъ и не должно быть мѣста ни чувствительности, ни сожалѣніямъ; рѣшительныя, суровыя, безпощадныя мѣры должны быть примѣняемы съ спокойнымъ, холоднымъ разсчетомъ. „Изнѣжившись—такъ изображаетъ Спасовичъ тенденцію новыхъ направленій—мы напрасно ослабили нашу карательную систему; въ борьбѣ за существованіе между обществомъ и злодѣями корень системы — *искорененіе*; а если по состоянію нервовъ общества нельзя, къ сожалѣнію, практиковать въ надлежащей мѣрѣ смертную

---

ihren Einfluss auf S e r g e j e w s k i ausgeübt", и въ видѣ доказательства приводитъ тѣ идеи, которыя въ моихъ работахъ *заимствованы* будто бы отъ *новой* школы, а именно: устраненіе метафизическихъ основаній наказанія и признаніе психологіи, физіологіи и психіатріи за вспомогательныя для уголовнаго права науки (стр. 625 — 626)—это называется идеями, заимствованными отъ новой школы!!—Въ такомъ же положеніи въ рукахъ гг. антропологовъ оказались: Вульфертъ, Таганцевъ, Кололовъ.... См. объ этомъ *Вульфертъ*, Журн. гражд. и угол. права 1886, 4. Антрополого-позитивная школа, 1887, стр. 6, 7.

[1]) Ближайшія соображенія по этому поводу, см. *Сергѣевскій*, Преступленіе и наказаніе какъ предметъ юридической науки, Юридич. Вѣстникъ. 1879 г., 12 Русское уголовное право, 1890 г. стр. 13 и слѣд.

казнь, то возможно оградить себя и безъ нея, посредствомъ эквивалентовъ, правда, дорогихъ и сложныхъ, но все-таки дѣйствительныхъ“ [1]).

И раньше раздавались голоса въ этомъ направленіи: еще Bekker указывалъ на излишнюю, по его мнѣнію, гуманность, проникшую въ сферы уголовнаго правосудія [2]); о томъ же говорилъ и Mittelstädt [3]). Но тогда эти голоса были заглушаемы общимъ хоромъ; тогда немногихъ криминалистовъ, осмѣливавшихся поднимать голосъ въ этомъ смыслѣ, обзывали попросту отсталыми реакціонерами, злодѣями, подвергали осмѣянію... А теперь—самоновѣйшая наука, въ наиболѣе модныхъ направленіяхъ, говоритъ то же самое. Рекомендуетъ смертную казнь, тягчайшее и пожизненное заключеніе, даже тѣлесное наказаніе—все то, о чемъ и говорить-то громко считалось непозволительнымъ. А давно-ли, кажется, какихъ-нибудь десять, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, Mittelstädt'а обзывали чуть не чудовищемъ, Mittelstädt'а, всѣ требованія котораго сводились къ сравнительно невинному положенію: „Nicht, dass und wieviel wirklich geprügelt w i r d, sondern, dass überhaupt geprügelt werden k a n n, ist die Hauptsache“ [4]).

Такова общая черта или, лучше сказать, общая тенденція новыхъ направленій. Я не считаю, однако, эту сторону дѣла существенною, и вотъ почему: одно дѣло—разсуждать на бумагѣ о смертной казни и другое—исполнять это на практикѣ; одно дѣло—разговаривать о нормальномъ человѣкѣ и о необходимости отсѣченія, Selection, всѣхъ анор-

---

[1]) *Спасовичъ*, Вѣстникъ Европы. 1891. Октябрь, стр. 442, 443.

[2]) B e k k e r, Theorie des heutigen Deutschen Strafrechts, 1859. „Die Achtung vor dem Individuum, говоритъ онъ, ist jetzt so hoch aufgegipfelt, dass sie bald sich zu überschlagen besorgen mag“ (стр. IV).

[3]) M i t t e l s t ä d t, Gegen die Freiheitsstrafen, 1879.

[4]) Ibid., стр. 84. Я не говорю уже о тѣхъ нападкахъ и непечатной брани въ печати, которыми встрѣчена была въ русской прессѣ моя работа „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка“. Не говорю потому, что я никогда не защищалъ ни смертной казни, ни тѣлесныхъ наказаній, равнымъ образомъ, не проповѣдывалъ усиленія существующихъ карательныхъ мѣръ; нападки же опредѣлялись единственно особаго рода толкованіемъ отдѣльныхъ мѣстъ и фразъ моего изслѣдованія, посвященнаго исключительно картинамъ XVII вѣка въ освѣщеніи и краскахъ той эпохи.

мальныхъ экземпляровъ, и другое—завести въ дѣйствительности такое прокрустово ложе... Изученіе историческихъ факторовъ развитія права должно, думается мнѣ, привести къ убѣжденію, что гуманизація мѣръ государственнаго управленія—въ томъ числѣ и карательныхъ—не зависитъ отъ книжныхъ упражненій криминалистовъ разныхъ лагерей и разныхъ школъ; тутъ теоріи, думается мнѣ, являются лишь симптомомъ, но не движущей силой. То историческое движеніе, отъ среднихъ вѣковъ до нашего времени, которое выражено безсмертными словами недавно умершаго Іеринга „die Geschichte der Strafe ist das fortwährende Absterben derselben—исторія наказанія есть его постепенное вымираніе“ [1]), опредѣлено было не теоріями, а иною силою. Если народамъ Европы суждено пережить обратное движеніе, то и оно будетъ создано тоже не теоріями. Скажу коротко: гуманизація создается не умственными усиліями, а этическими силами; отлично разсуждать на самые гуманные мотивы можетъ и злой человѣкъ, но гуманнаго наслѣдія въ дѣйствительной жизни народной онъ послѣ себя не оставитъ.

Не имѣя значенія движущей силы, программа которой могла бы получить непосредственное осуществленіе, указанная, вполнѣ опредѣленная и рѣшительная тенденція новыхъ ученій является лучшимъ критеріемъ для оцѣнки ихъ практическаго значенія. Игнорировать эту черту—значитъ исказать весь характеръ современнаго научнаго движенія. Между тѣмъ, среди современныхъ писателей имѣются такіе, которые, къ сожалѣнію, это дѣлаютъ и тѣмъ закрываютъ истину передъ глазами непосвященныхъ. Соглашаясь со многими выводами и воспроизводя въ своихъ работахъ многія изъ ученій такъ называемаго позитивнаго направленія—являясь передъ читателями во всеоружіи и полной красѣ самыхъ свѣжихъ и, скажемъ, самыхъ модныхъ новинокъ

---

[1]) Мы понимаемъ это выраженіе не въ смыслѣ ограниченія области наказуемыхъ дѣяній, что было бы совершенно невѣрно, а въ смыслѣ смягченія карательныхъ мѣръ: область наказуемыхъ дѣяній до сихъ поръ постоянно расширяется, а наказанія, по количеству болевыхъ впечатлѣній, смягчаются.

науки, эти писатели, какъ только рѣчь заходитъ объ организаціи карательныхъ мѣръ, дѣлаютъ неожиданный скачекъ и, вмѣсто послѣдовательныхъ и, казалось бы неизбѣжныхъ, выводовъ, преподносятъ читателямъ рядъ гуманныхъ соображеній о преступникѣ, о наказаніи, о человѣколюбіи. Самый языкъ ихъ становится сантиментальнымъ и въ результатѣ оказывается не представитель суровой программы, а самый мягкій и душевный филантропъ. Такой пріемъ, конечно, не имѣетъ положительнаго значенія для науки: непослѣдовательность здѣсь слишкомъ прозрачна. Но онъ имѣетъ свою серьезную, дурную сторону: въ средѣ, мало знакомой съ первоисточниками, скажемъ ближе, въ нашемъ русскомъ обществѣ и даже отчасти въ литературѣ возникаютъ совершенно ложныя представленія: новѣйшія ученія уголовнаго права, начиная съ первоначальныхъ конструкцій Ломброзо, какъ это ни странно, считаются и либеральными, и даже гуманными... Всего, чего угодно, можно въ нихъ искать, но только не либерализма и не гуманности.

Второе положеніе, которое привлекаетъ къ себѣ вниманіе, хотя и является тоже сомнительнымъ пріобрѣтеніемъ для науки права—это положеніе, выставленное криминально-соціологическимъ направленіемъ, о наказаніи не по мѣрѣ вины, опредѣленной съ точки зрѣнія содѣяннаго преступленія, а по мѣрѣ необходимости, опредѣляемой съ точки зрѣнія дѣйствительнаго достиженія спеціальныхъ цѣлей наказанія. Цѣль наказанія—защитить и спасти общество отъ посягателей на его жизненные интересы. Путь къ этому: устранить, отсѣчь отъ общества преступниковъ испорченныхъ неисправимыхъ; исправить испорченныхъ но исправимыхъ; устрашить случайныхъ (т. е. собственно говоря—всѣхъ прочихъ преступниковъ). Не преступленіе мы должны судить и наказывать, говорятъ представители этого ученія, а преступника въ его антисоціальныхъ качествахъ. Преступленіе содѣянное можетъ служить, такъ сказать, лишь законнымъ поводомъ для суда и наказанія; но родъ и размѣръ наказанія должны опредѣляться суммою и особенностями анти-

соціальныхъ качествъ преступника, какъ они опредѣлятся на судѣ и даже какъ они проявятся впослѣдствіи, во время отбытія наказанія. То наказаніе справедливо, которое необходимо для достиженія поставленной цѣли.

Я думаю, что сами представители этого ученія не совсѣмъ ясно представляютъ себѣ выводы и практическіе результаты своей программы, при ея послѣдовательномъ, безъ уклоненій и обходовъ, примѣненіи [1]). Одинъ выводъ, впрочемъ, бросается въ глаза: преступники случайные, неиспорченные и неимѣющіе привычки къ преступленію, подвергаются у нихъ мѣрамъ *устрашительнаго* воздѣйствія, а испорченные, преступники привычки, мѣрамъ *исправительнаго* воздѣйствія [2]). Невольно возбуждается вопросъ: не обошлись бы такія средства человѣческому общежитію слишкомъ дорого— не пришлось бы отъ нихъ страдать больше, чѣмъ получится ожидаемыхъ благъ! А если въ дополненіе будетъ упразднено еще и начало nullum crimen nulla poena sine lege—о чемъ, совершенно послѣдовательно, трактуютъ писатели этого направленія [3]), то получится очень ясная картина, не требующая никакихъ поясненій.

VI.

Съ инымъ значеніемъ являются для науки права два другія положенія изъ числа выдвинутыхъ новыми направленіями, а именно:

третье положеніе, на которомъ необходимо остановиться, есть ученіе о факторахъ преступности—о тѣхъ силахъ, которыя порождаютъ преступленія, о тѣхъ источникахъ, изъ

---

[1]) Уклоненія и обходы уже начались: нѣкоторые писатели, хотя и принимаютъ програму этого направленія, но сохраняя начала гуманности, утверждаютъ, что неисправимыхъ преступниковъ не бываетъ на свѣтѣ—всѣ исправимы. Какая счастливая вѣра въ тюремную педагогію!

[2]) Опять дѣлается обходъ: нѣкоторые писатели говорятъ и объ устрашеніи, и объ исправленіи, признавая то и другое; но когда дѣло доходитъ до ближайшихъ опредѣленій, то даютъ устрашенію опредѣленіе совершенно тождественное съ исправленіемъ, такъ что все выходитъ очень мягко.

[3]) Снова обходъ: нѣкоторые всю программу принимаютъ, но начало nullum crimen nulla poena sine lege желаютъ сохранить во что бы то ни стало.

которыхъ они вытекаютъ. Не только выяснено, но и вполнѣ доказано новѣйшими изслѣдованіями, что эти факторы въ высшей степени разнообразны и, если можно такъ выразиться, всеобъемлющи; опредѣляются всей обстановкой человѣка, всѣми условіями его жизни и всей его личностью—отношеніемъ его къ природѣ, положеніемъ его въ обществѣ и государствѣ, его индивидуальными личными свойствами. Факторы физическіе или естественные (космическіе), соціальные, личные—всѣ три категоріи одинаково сильны и одинаково плодоносны въ смыслѣ порожденія преступности. Предполагать, поэтому, возможность устраненія преступленій путемъ соціальныхъ реформъ (какъ предполагали упомянутые мною писатели, увлекшіеся результатами статистическихъ наблюденій и ихъ исказившіе) рѣшительно невозможно. Для уголовнаго правосудія и его карательныхъ мѣропріятій отводится опредѣленная сфера дѣйствія, именно—борьба съ личными факторами преступности. Такимъ образомъ, наказаніе признается необходимымъ и всегда необходимымъ; весь вопросъ въ его содержаніи и ближайшихъ спеціальныхъ цѣляхъ. Лишь мечтатель можетъ рисовать въ будущемъ отсутствіе преступленій, рисовать картину ангельской жизни на землѣ. Серьезный мыслитель и прежде этому не вѣрилъ, а теперь *не можетъ* вѣрить. Прежде такая картина являлась просто бездоказательной фантазіей, а теперь она прямо опровергается данными положительной науки. Серьезный мыслитель видитъ, что причины, порождающія преступленіе, такъ же долговѣчны, какъ долговѣченъ человѣческій родъ; онъ знаетъ, что на путь преступленія человѣка толкаютъ тѣ же условія, тѣ же силы, которыя ведутъ его и по пути прогресса: никогда не умрутъ въ человѣкѣ его страсти, его стремленіе къ личному счастью, его честолюбіе, гордость....

Четвертое положеніе, которое, по моему мнѣнію, особо привлекаетъ вниманіе и есть наиболѣе существенное—это положеніе о множественности цѣлей наказанія.

Всѣ новѣйшія ученія сводятся къ тому, что карательныя мѣры должны служить не одной какой либо спеціальной

цѣли, какъ утверждали старыя моническія относительныя теоріи, а сообразно различію въ свойствахъ преступниковъ—многимъ цѣлямъ: цѣли обезпеченія общества отъ преступниковъ въ формѣ удаленія, лишенія возможности вредить и, какъ выражаются, „отсѣченія, Selection"; цѣли устрашенія и исправленія въ разныхъ формахъ и съ различнымъ содержаніемъ устрашительныхъ и исправительныхъ воздѣйствій. Это начало множественности цѣлей наказанія выдвинуто съ такою отчетливостью и съ такими доказательствами, что едва ли когда нибудь возможно возвращеніе къ старой ошибкѣ моническихъ теорій.

Можно спорить—и дѣйствительно нѣтъ полнаго согласія—по вопросу о томъ, на какіе именно классы или разряды должны быть раздѣляемы преступники въ видахъ индивидуализаціи карательныхъ мѣръ.

Можно спорить о томъ, какія именно цѣли должны быть—и могутъ быть—достигаемы наказаніемъ: тѣ, которыя мною сейчасъ поименованы, или же и еще какія либо другія, или въ иныхъ комбинаціяхъ; одна только борьба съ личными факторами преступности или же достиженіе еще и иныхъ полезностей.

Можно и *должно* спорить о томъ, должна ли быть предлагаема государству одна незыблемая, хотя и разнообразная, программа, или должно быть признано начало исторической измѣнчивости наказанія и его цѣлей,—какъ то было указано нами выше.

Можно и *должно* спорить, наконецъ, о томъ, исчерпываются ли задачи уголовнаго правосудія какими бы то ни было спеціальными цѣлями полезности и добрыхъ воздѣйствій, или есть что либо общее, чему уголовное правосудіе служитъ, независимо отъ достиженія или недостиженія отдѣльныхъ добрыхъ цѣлей.

Когда разрѣшатся эти вопросы, тогда, можетъ быть, и поразительная суровость карательной программы потеряетъ значеніе необходимаго послѣдовательнаго вывода, каковымъ она является теперь. Основное же начало множе-

ственности специальныхъ цѣлей наказанія есть несомнѣнный шагъ впередъ и величайшая заслуга. То, о чемъ приходилось (мнѣ) ранѣе говорить какъ бы по догадкѣ и на почвѣ историческихъ сопоставленій, — доказывается теперь всею силою и авторитетомъ положительныхъ изслѣдованій о человѣкѣ и его дѣятельности.

Въ пестромъ калейдоскопѣ разомъ нахлынувшихъ въ послѣдніе годы новыхъ понятій, ученій и словъ, сильно сбившихъ съ позиціи многихъ представителей старой доктрины—въ этомъ „Mischmasch", какъ позволяетъ себѣ выразиться Mittelstädt, въ этой „мельницѣ", какъ выражается Закревскій, и вообще какъ бы ни называли это движеніе насмѣшники — со всѣми его ошибками и неизбѣжной путаницей, заключается источникъ мудрости и свѣта, источникъ новыхъ знаній на пользу человѣчества и славу науки.

Того-же автора:

Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. 1888. Спб. Цѣна 2 руб.

Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. Изд. 2-ое. 1890. Спб. Цѣна 2 руб. 50 к.

Казуистика. Сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по уголовному праву. Изд. 2-ое. Спб. 1891. Цѣна 50 коп.

О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ, I, II, 1880. Ярославль. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Цѣна 30 коп.

